

Чи Е замер, ощутив неловкость. Он аккуратно опустил парня на пол, но тут же подхватил под локти, опасаясь, что Тун Хуайцин не устоит на ногах.

Чёрт возьми. Больше всего на свете он не переносил чужих слёз.

Полнейшая беспомощность.

Тун Хуайцин всё ещё прятал лицо в ладонях, глухо и обиженно всхлипывая.

Чи Е почесал затылок, мгновение поколебался, а затем несмело прижал его к себе и принялся смиренно убаюкивать, снизив голос почти до шепота:

— Ну прости. Я же не со зла, просто подразнить хотел. Ты мне тоже по физиономии съездил, а ведь мне ещё никто так не дерзил...

Чи Е не врал. Ему приходилось получать кулаками, выдерживать жестокие драки, но пощёчин ему не отвешивал никто и никогда. К тому же он никак не ожидал, что Тун Хуайцин окажется настоящим пороховым погребом: вспыхнет от любой искры и сразу бросится с кулаками. Чи Е стоял совершенно беззащитный, а этот недомогающий парень, чёрт его дери, чуть не подпрыгнул, чтобы вклепить ему оплеуху.

Мысли невольно сорвались с языка:

— Сам подумай, ты же только что чуть не подпрыгнул, чтобы мне съездить...

Тун Хуайцин наконец перестал всхлипывать и глянул на него сквозь щели между пальцами:

— Сам ты подпрыгнул! Не было такого!

— Ладно-ладно, не было, — поспешно подхватил Чи Е. По его скудному опыту общения с детьми, если ребёнок подал голос — значит, дело идёт на лад. — Ну хватит плакать, а? С чего вдруг слезинки рекой потекли?

Замечательно.

Тун Хуайцина аж скрутило от тошноты.

Ощувив, что парень в его руках немного успокоился, Чи Е перевёл дух и решил закрепить успех:

— Личико измажешь — красивым быть перестанешь...

Тун Хуайцин и не думал убирать ладони от лица:

— Проваливай.

Чи Е молча разжал объятия, отступил назад и прикрыл дверь в уборную.

Из-за двери донёлся его голос:

— Смотри не упади там. Позовёшь, если что.

— Пошёл вон!

Зашумела вода. Тун Хуайцин смыл с лица липкую сырость и тяжело, со смыслом перевёл дыхание.

Он поднял взгляд. Над краном висело круглое зеркальце на деревянной ручке, привязанное бечёвкой к вбитому в стену гвоздю. На стекло брызнули капли, но он всё равно чётко разглядел свои покрасневшие глаза.

Надо же, расплакался.

Впрочем, когда слёзы вылились наружу, на душе стало ощутимо легче.

Чи Е сгреб его в охапку, точно неразумное дитя, лишив всякой опоры под ногами, да ещё и подшучивал прямо над ухом... От этой смеси стыда и досады сдержаться не удалось — слёзы брызнули сами собой.

Он уже давным-давно так не плакал.

Даже когда ему тыкали в лицо пальцем и осыпали бранью, он не ронял ни слезинки — лишь отвечал той же монетой, оплачивая обидчикам их же оружием.

Тун Хуайцин закрутил кран и замер, разглядывая собственное отражение. Образ казался чужим: он уже вечность не смотрелся в зеркало так пристально.

Снаружи снова донёлся голос Чи Е:

— Тунтун?

«Тун тебе в дышло».

Держась за стену, он толкнул дверь и шаг за шагом поплёлся вперёд. Смотрел строго перед собой, не удостоив мужчину даже беглым взглядом.

Чи Е держался чуть позади, в полшага от него, готовый в любую секунду подхватить, если тот вдруг оступится.

Каждый шаг давался с невероятным трудом.

Поясница опять заняла тупой болью.

Он буквально приволок ноги к кровати и одеревенело опустился на матрас. На лбу выступила мелкая испарина, дыхание сбилось.

Двое ребятишек на втором этаже, похоже, уже спали. В доме царила тишина, лишь со двора доносилось редкое стрекотание сверчков.

Чи Е насупился, разглядывая его:

— Врач сказал, у тебя старая травма. Правда?

Тун Хуайцин откинулся на подушку и, даже не поведя веком, ровно выдавил:

— Угу.

Опустив ресницы, он краем глаза заметил, как Чи Е направился к шкафу. Разглядывать его не хотелось. Единственное, что волновало Тун Хуайцина — когда он сможет переодеться. Его вещи так и остались в гостинице.

«Ещё не хватало донашивать за ним штаны».

— Ложись на живот, — Чи Е подошёл ближе, держа в руках стеклянную банку. — Рубашку задери.

Он присел на край кровати и пояснил:

— Настойка на недотроге. Старый народный рецепт: растерешь — сразу легче станет.

Мужчина открутил крышку. Лекарство отдавало рыжевато-янтарным оттенком, а на поверхности плотной кучкой теснились поблёкшие лепестки. По комнате пополз лёгкий спиртовой душок. Чи Е сначала растирал ладони, разогревая их, а потом, увидав, что Тун Хуайцин не шевелится, повел бровью:

— Ну?

Тун Хуайцин спросил ровным голосом:

— Что у тебя на уме?

Он спокойно уставился на хозяина дома:

— Во-первых, спасибо, что спас меня, выходил и...

Чи Е озадаченно посмотрел на него. На смуглой щеке всё ещё алели отпечатки пальцев.

Тун Хуайцину явно давалось это нелегко, и он снова опустил взгляд:

—...и даже надел на меня свои штаны.

Чи Е не сразу понял, в чём дело, но нутром учуял, что парень затаил обиду, и решил загладить вину:

— Да брось, я же подшутил. Это вещи Яньня, покупал ему на вырост, да так и пролежали. Мои-то на тебя вообще не нелезут.

Ещё бы. Рубашка — полбеда: хоть она и сползала с плеча при каждом шаге, но носить можно. А вот штаны, будь они хоть трижды на резинке, сидели бы как мешок.

Тун Хуайцин чеканил без единой эмоции:

— Понятно.

Однако дело было вовсе не в этом.

Следовало расставить точки над «i».

Даже не поднимая головы и избегая прямого взгляда, он отчетливо ощущал исходящую от этого мужчины тяжелую, давящую силу и видел его крепкие, налитые мускулами руки.

В памяти всплыла их первая встреча и явственное ощущение, когда он уткнулся носком туфли ему в ногу.

Твёрдая, точно камень.

Тун Хуайцин не привык ходить вокруг да около и выложил всё напрямую:

— Я никого не осуждаю, но... я не гей.

Пусть Чи Е ничего не говорил прямым текстом, намерения его читались более чем прозрачно. Иначе с какой стати ему проявлять такую заботу?

Тун Хуайцин с самого детства не знал недостатка во внимании: за ним ухаживали и парни, и девушки. Он видел и учтивых кавалеров, и пылких поклонников. Он прекрасно знал, что хорош собой и обладает утонченной выправкой, а потому стаи влюбленных почитателей вокруг казались ему чем-то само собой разумеющимся.

Да, он был нарциссом.

Но искренне полагал, что имеет на это полное право.

А потому принимал ухаживания как должное, не испытывая ни малейшей досады — лишь легкое, надменное удовлетворение.

Вполне объяснимо: тут дело даже не в изысканном вкусе — каждый, у кого есть глаза, невольно засмотрится на него.

Самое любопытное, что при всём изобилии поклонников никто не задерживался надолго. В Тун Хуайцина легко было влюбиться с первого взгляда — он был красив, а за роялем и вовсе завораживал, но стоило сойтись поближе, как ухажёров начинал коробить его тяжелый характер.

Сложно описать словами: взгляд у него был холодный, без малейшей искры или кокетства, не цеплял за живое.

Красив-то красив, да без чертовщинки — ни в мужчинах, ни в женщинах он не разжигал настоящей страсти.

Поэтому ухаживания его никогда не утомляли. Они налетали роем и смывались прочь, точно приливная волна. Никто не любил его с глубокой преданностью, все тихо уходило спустя какое-то время. И это было нормально.

В точности как нынешний взгляд Чи Е.

В нем не было ни смущения, ни испуга от того, что его раскусили — лишь абсолютное, непроницаемое спокойствие.

Тун Хуайцин насупился и повторил ещё раз:

— Я же сказал: я не по мужчинам.

Чи Е оглядел его с таким видом, будто осматривал велосипед с пробитой шиной.

В его глазах читалось разве что лёгкое любопытство.

— Чего? — переспросил он. — Что ещё за гей? Это ты про кого?

<http://bllate.org/book/19966/1985810>